

*Свет во тьме светит, и тьма
не объяла его*

Глава первая

— Держи поле, ты... москвич!

— А я что делаю, — пробормотал Денис.

Задача была проще некуда.

Представить себе июньский луг. Вечер, багровая полоса заката пролегла над дальним лесом, узкие облака, снизу прогретые закатным светом до розовато-белого, сверху темно-сизые... нет, не черные, а сизые, темно-синие с серым. Стоп, за облака отвечает Катька, вот пусть она и возится с ними, и с небом, и со звездами.

Сколько звезд на небе, спросили мудреца. Столько же, сколько волос на моем осле. Не веришь, пересчитай. Не отвлекаться!

Луг, темной слитной массой лежащий под копыта коней (тут Аслан перестарался, лапищи у коня как у слона, а всадник так и вовсе ростом с сосну). Луг, огромное, несчетное множество трав и цветов, сцепившихся белыми нитями корней, вросших друг в друга. Луг был един, он был живой, в его ковре ежесекундно вспыхивала и гасла жизнь: кроты и черви, жуки и бабочки, муравьи и кузнечики — все торопились жить, прежде чем их накроет тяжелое копыто.

Два всадника ехали по полю навстречу друг другу: витязь в русской броне и богатырь в кавказской кольчуге, с тигровой шкурой на плечах. Кони фыркали, звенели уздечками — Денис мимоходом позавидовал: так удерживать образ, и Ярик и Аслан круты.

Ну вот, опять! Стоит отвлечься, как луг начинает распадаться, дробиться на отдельные островки, меж которых проступает бархатная темнота рабочего объема. Ярцев торопливо восстановил целостность образа, успел, прежде чем кони вступили в темноту — иначе все, сразу занавес.

Пробежался по тысячам зеленых струн-стеблей, коснулся невидимыми пальцами засыпающих, закрывающихся цветков, внутри которых качалась невесомая пыльца.

А теперь ветер — Денис дунул, и ветер пошел гулять по полю, погнал тяжелые шелестящие волны, поднял в воздух сотни светлячков. Медленные зеленые огни взвивались над лугом, вспыхивали под копытами коней, кружились вокруг латников...

— Стоп!

Картинка погасла, Денис поморгал, процеживая темноту ресницами. Постепенно в углу проступило светлое пятно — рабочее место устроителя вертепа, Натальи Юрьевны.

Она наигранно держалась за голову.

— Что за балаган ты устроил, Ярцев?

— Полет светляка, ария первая, — попробовал отшутиться Денис.

— Второй раз создание образа срывает, — возмутился бас в другом углу. — Вас в Москве вообще учат?

— Ага, Аслан, ты сам попробуй луг сделать, — вступил в разговор женский голос. Это Катя. — Думаешь,

если шкуру кошки сочинил, так ты на коне. Конечно, она половину твоего образа закрывает, такую модель первоклашка удержит. Детализации ноль, текстура ни к черту..

— Слушай, ты, главная по облакам, молчала бы, — посоветовал Аслан. — Ты вообще облака копируешь и вставляешь, одно и то же по всему небу.

— Да у меня ни одного одинакового облака нет! — возмутилась Катя.

Наталья Юрьевна хлопнула в ладоши. В зале школьного светового вертепа вспыхнул верхний свет. Сидящие на ложах заворочались, потянули с головы сеточки мыслеуловителей.

Аслан Мацуев пригладил волосы, зло посмотрел на Дениса.

— Наталья Юрьевна, давайте вернем Федора? У нас первый показ «Прометея» на носу, а Денис задник точно не удержит. Там же не луг, там горы. Кавказ! Ты хоть раз горы видел, москвич?

— А разве мы сейчас не на Кавказе? — удивился Денис.

— Так, закончили, — сказала устроительница. — Ребятки, ничего смешного нет. Ярослав — образ устойчивый, но без огонька. Ты явно о чем-то другом думаешь.

Ярослав Щербаков, невысокий парень с густыми соломенными волосами и какими-то несоразмерно мелкими чертами лица, ничего не ответил. Только медленно заморгал белесыми ресницами.

— Катя, в небе должно быть больше выразительности, яркости. Небо должно душу вынимать от одного взгляда — это ведь задний план, на котором разыграется битва. А у тебя там травоядные облачка.

— Там все гармонично, — возмутилась рыжая Катя.

— Больше страсти! — потребовала устроительница. — Теперь ты, Денис. Все плохо. Денис, я понимаю, что луг — это сложная задача, тем более для новенького. Но я видела записи твоих сцен, в московском вертепе ты был в тройке лучших. Слишком много думаешь, Денис, отвлекаешься.

— Если он лучший, какие же там остальные? — фыркнул Аслан.

— А ты, Мацуев, слишком много говоришь. Для человека, у которого явные проблемы с соразмерностью образов. У тебя конь размером с мамонта, Мацуев.

— Это мое авторское видение, Наталья Юрьевна.

— Все, летите, голуби, — скомандовала устроительница. — Завтра пробный прогон «Прометей». Соберитесь!

Денис отклеил присоски мыслеуловителей от холодной кожи, поднялся с ложа, но уходить не торопился. Сидел, оглядывал комнату светового вертепа. Стены, оклеенные звукопоглощающими пластинами и обитые черной мягкой тканью. Черные стены, черный пол, черный потолок. И огромный сверкающий конус излучателя под потолком. По углам — четыре ложа для игроков, выгороженный угол устроительницы. И больше ничего; все сложнейшее оборудование было скрыто в стенах.

Когда выключали свет, темноту можно было ложкой черпать и по банкам разливать. А потом первая искра стекала с конуса излучателя, но не исчезала, а разгоралась, подхваченная одним из игроков. Он бережно раздувал ее в свой образ, приращивал один за другим световые витки к создаваемой картине. А остальные тем временем срывали свои искры и лепили свои образы, и все это постепенно соединя-

лось в одно большое полотно — живое, дышащее, меняющееся.

Почему-то световой вертеп был в обязательной программе как его московского гимнасия, так и суджукского, куда он перевелся. А в «общаках» его и в помине нет. Интересно, почему?

— Ярцев, дуй отсюда, — нахмурилась Наталья Юрьевна.

Денис спрыгнул на пол.

— Яблоко хочу, — заявил он. — После вертепа всегда так. У вас нет?

Наталья Юрьевна скорчила гримасу и махнула измерителем, которым снимала показания с конуса.

Денис увернулся и выкатился в коридор. У стены, в уголке, стояли Мацуев и Катя Локотькова. Катерина, сверкая серыми глазами, тыкала пальцем Мацуева в солнечное сплетение и что-то говорила.

И Аслан, о диво, слушал ее внимательно, только кривился в ухмылке, но это же Мацуев, гордый вайнах, он не может иначе...

Денис вспомнил первый день, когда он вошел в стены гимнасия номер один города Суджука «Зарница». Они как раз закончили переезд, в конце сентября, отец его все время по-старому именовал августом. Неужели так трудно запомнить правильные названия?

Двухсаженный забор с фигурным гербом Приказа общественного развития и благоустройства — кругомер-циркуль над книгой, вписанные в круг. За забором — школьная площадь с вылизанным добела серым покрытием, зеленый прямоугольник телостройной площадки, флаги города, гимнасия и государственной, черно-желтый флаг НоРС.

Герб ПОРБ на заборе повторялся, опоясывал школу. Утреннее солнце выползало из-за гор, и искаженные длинные тени кругомеров шагали через двор по подстриженным кустам самшита, приземистым соснам, по клумбам и скамейкам.

Его ждали у входа. На утреннее построение он не успел, казенный гимнасический духовник уже отчитал молебен и отпустил окормляемых чад по классам. Плохо, конечно, но можно списать на первый день. Заблудился в городе, пошел в сторону моря и не вернулся...

Пелагея Валерьевна, заведующая по безопасности, завбез в привычном школьном просторечии, сухая дама лет сорока, выслушала его сбивчивые оправдания, поджав губы. Вручила гимнасический числоключ — пропуск и ключ от именного шкафчика. Денис расписался за «таблетку» — школьный светолат — и пошел на край долины у моря искать дичины. В смысле, в класс в сопровождении завбеза. В усилителях под потолком привычно гремела государственная песнь. Под «Славься, Отечество, наше единое» малышня старалась идти спокойно, но то и дело срывалась в мелкую рысь, которая мгновенно — до дыма в подошвах — переходила на чинный шаг при виде завбеза.

— Здравствуйте, ребята, это наш новый ученик, Денис Ярцев, он приехал из Москвы и будет учиться в нашем классе. Садись, Денис, выбирай любое место.

Классы в этом здании были большие, старые, а в девятом «А» от силы человек двенадцать. Гимнасические привилегии. Если бы это был «общак», общеобразовательная народная школа, каких полным-полно на окраинах Большой Москвы, здесь не

то что яблоку, смородине упасть было бы негде. Но тут уж все честно, по Сеньке шапка. Какой у тебя жизненный разряд, какие способности, такие и возможности.

Хочешь в гимнасий — будь добр, сдавай испытания. Хочешь сменить работу — сдавай испытания. Думаешь, что можешь достичь большего — сдавай испытания. Хочешь выйти из доли иждивения — разряда населения, который кормит, поит и одевает государство, — сдавай испытания.

Каждый год в июне ПОРБ запускает общенародные испытания для детей и взрослых. По итогам можно перевестись в школу более высокого уровня, подняться в должности или заработать надбавку к жалованию — зарплата ведь тоже от показателя жизненного разряда рассчитывается.

...Ага, садись, Денис.

Пустых стульев полно, а сесть некуда, все правильные места заняты. Он чувствовал равнодушно-оценивающие взгляды парней, заинтересованные — девчонок.

Тянуть было нельзя, и Денис выбрал место в середине класса, у окна, рядом с рыженькой полноватой девчонкой. Та уставилась на него, как на невиданное явление природы, и до конца дня Денис регулярно ловил взгляд ее быстрых серых глаз.

Судя по удивленно-разочарованным взглядам остальных девушек, он сделал неправильный выбор.

В светоплат ему немедленно упала пара предложений о дружбе, приглашение в круг класса, несколько дурацких писем от гимнасической сети, еще одно приглашение в содружество «Суджук-навсегда»... Тоска.

А на втором уроке под ладонь легла узкая желтая полоска.

Денис так удивился, что с трудом прочел.

«Я Катя» — писала соседка Катя.

И кто сейчас царапает от руки?

Денис бросил короткий взгляд на девочку, встретил такой же мгновенный выстрел серых глаз и вздохнул. Взял ее фиолетовый карандаш, с трудом вывел:

«И?»

«Хочешь, я покажу тебе город?»

Денис пожал плечами. Черт, почему бы и нет?

«Давай».

Катя прямо расцвела.

...С тех пор уже три месяца прошло, а зима будто в эти края и не торопится. День был ясный, прозрачный. Деревья в сквере сбросили листву и, окунув в светлое небо темные пальцы ветвей, качались на ветру. В Москве уже дожди зарядили, а здесь, в Суджукке, такая теплынь. Начало месяца осень, по-старому стилю — ноябрь.

Понедельник. Седьмой урок.

Денис сидел у окна, смотрел, как на игровой площадке носятся второклашки. На груди у каждого горел яркий, с ладонь величиной, круглый нагрудник. У малышни был урок телесности. Если кто-то выбегал за пределы игровой, нагрудник начинал мигать красным и противно пищать. У пацанов явно чесались руки их посрывать, но поди попробуй — разорется громче сыскного вопила. Штатный учитель телостроя дядя Миша зорко следил за мелкими, помахивая световым поводком. Разговор у дяди Миши был короткий — чуть какое нарушение порядка,

и короткий выстрел поводка закрашивал нагрудник багровым. Три выстрела — и запись в школьный раздел личного дела.

Стекло померкло, затянулось матовой пленкой.

— Денис, вернись к нам, — ласково позвал Спиридон Федорович, их историк.

Денис мгновенно обернулся, изобразил полнейшую готовность внимать. Катя Локотькова, сидевшая рядом, не сдержалась, улыбнулась, но тут же лицо ее стало серьезным.

Рядом с историком стояла дама — иначе и не назовешь, стройная и высокая. Узкое лицо, светлые волосы затянуты в строгий хвост, ни единого волоска не выбивается.

Девчонки вполголоса перешептывались, глядя на серое платье. Сычуанская яко-шерсть, дорогая ткань. А на груди серебром сверкает знак — кругомер над книгой, в круг вписанные. Приказ общественного развития и благоустройства.

Денис обнаружил, что выпрямился по струнке, как и весь класс. ПОРБ — это серьезно, ПОРБ просто так не является.

— Ребята, сегодня у нас на уроке гость из Приказа общественного развития и благоустройства, — сообщил историк, лучась от важности происходящего. — Аглая Петровна.

Представительница ПОРБ кивнула, оглянулась и села на учительский стул. Спиридон Федорович в некотором смятении на нее посмотрел и щелкнул дальником. На ученических светоплатах появился знак — двуглавый орел в венце из молний, сжимающий в когтистых лапах шар державы и скипетр.

С двух сторон знак поддерживали медведь и тигр, сущности двуединства страны, обращенной на Закат

и Восход. Все это Денис знал прекрасно; если урок будет по сущностям государственности, их класс легко справится. Они недавно делали учебную затею для младших как раз по этой теме.

— Дорогие мои, сегодня мы обратимся к началу нашей государственности, — провозгласил Спиридон Федорович. — Устроим, так сказать, опрос.

Денис неслышно охнул. Сегодня на уроке «Роднознания и отчизнолюбия» придется отвечать всем. Спиридон Эф, как его для краткости именовали девятиклассники, очень уважал поголовные опросы и размышлительные беседы с учениками, что означало, что каждому достанется доля учительского внимания. Пара минут в прицеле черных глаз и несколько каверзных вопросов. Хотя что можно каверзного придумать в теме «Начало государственности НоРС»? О том, как создавался Новый Российский Союз, уже в детском саду всем рассказывают.

В Суджук Денис всего три месяца, но уже привык к здешнему гимнасию. В московской школе «РОТ» читали не так интересно, а Спиридон выступал зажигательно, скоморошил по полной. Ему бы на помосте краевого вертепа, а не у доски выплясывать.

— Эту тему вы хорошо помните, — продолжал Спиридон. — И...

— На каком основании стоит наше государство? — неожиданно спросила Аглая Петровна.

Голос у нее был резкий, сильный, видно было, что при желании она может перекричать одна целый класс.

Народ задумался. Спиридон Федорович переминался у доски, и Денису стало его жалко — он словно сам отвечал, не мог найти слов.

Денис собирался уже его спасать, но Маша Шевелева уже тянула руку. Конечно, Маша, кто же еще. Рука у Шевелевой рвалась к потолку и тянула всю ее следом.

— Наше государство, то есть Новый Российский Союз, основывается на справедливости, — выпалила Маша. — Каждому у нас в стране дается достойный заработок, исходя из его способностей и потребностей.

Аглая Петровна довольно кивнула.

— И не только заработок, но и жизненно необходимая доля лекарских и попечительских услуг. Справедливо, когда старики живут обеспеченно, а дети получают самое лучшее. Справедливо, когда за свой труд человек получает столько, сколько заслуживает. Справедливо, когда вор в тюрьме, а невиновный на свободе. Тем, кто не в силах себя обеспечить, назначается справедливая доля содержания. А с чем можно сравнить наше государство, дети?

— С крепостью? — рискнул предположить Ваня Миронов. Ваня, как знак ПОРБ увидел, сам не свой сделался. Говорят, у него родители заработали снижение жизненного разряда, что-то в прошлом нехорошее у его папы обнаружилось. Вот теперь Ваня и сидит как на иголках.

Разумно, решил Денис, вечно на нас из-за закатного бугра разные гады лезут, крепость — хороший ответ. Но Аглая Петровна явно вопрос с подкавыкой задает.

Денис в некотором азарте задумался.

«Не повезло Ване, — подумал Денис. — Но это не надолго, на полгода в правах ограничат и все».

Его отцу тоже как-то поражение в правах влили — а не надо было скрывать, что он в старые